

22. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992.
23. Степанов Б.Е. Образ Средневековья в работах П.М. Бицилли (рукопись).
24. Попова Т. Н. О преподавании всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX века // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. – Одесса, 1992. – С. 37–42
25. Попова Т.Н. Из истории Новороссийского университета: П. М. Бицилли // Одеса – 200. – Ч.2. – С.118–120
26. Попова Т. Н. Из истории историографии: П. М. Бицилли // Історія науки і техніки: проблеми дослідження, викладання, гуманізації освіти: Тези доп. Всеукр. науково-практ. конф. – Дніпропетровськ, 1994. – С. 71–72.
27. Попова Т. Н., Максименко И. В. Судьбы ученых: Из истории Новороссийского университета: Биоисториографические этюды // Российские университеты в XVII–XX веке: Сб. науч. ст. – Воронеж, 1999. – Вып.4. – С. 155–172.
28. Попова Т. Н., Максименко И. В. Профессор Новороссийского университета П. М. Бицилли в украинской и болгарской историографии / Україна і Болгарія: Віхи історичної дружби: Матеріали міжнар. наук. конф., присвяч. 120-річчю визволення Болгарії від османського іга. – Одеса, 1998. – С. 126–133
29. Історіографічні читання [до 120-річчя від дня народження П. М. Біцилли] // Зап. іст. фак. ОДУ. – 2000. – Вип. 10. – С. 301–303.
30. Буковский В.Я. Горькая правда: Исторический очерк села Бицилово и района. – Раздольная, 1998. – С. 9–21.
31. Каганович Б.С. Бицилли Петр Михайлович / Культурология. XX век. Энциклопедия. – СПб. – 1998. – Т.1. – С.76–77.
32. Попова Т.Н. Біцилли Петро Михайлович / Професори Одеського (Новоросійського) університету. – Одесса – С.112–115
33. «Религиозные деятели и писатели русского зарубежья» <http://zarubezhe.narod.ru>
34. «Теория и история культуры в персоналиях» <http://ortlib.narod.ru>
35. Энциклопедия «Слово о полку Игореве» <http://feb-web.ru/feb/slovenec>
36. «Помощник кроссвордиста» <http://www.krossw.ru>
37. Информационный центр города Атирау <http://www.atyrau-city.kz>
38. Электронный энциклопедический словарь <http://www.edic.ru>
39. Электронная энциклопедия <http://encyclop.by.ru>

Марциновский П.Н.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЫНКА

Понимание рынка как категории, как сферы всеобщего взаимодействия, что, по сути, является условием понимания исторического процесса вообще, нуждается в глубокой разработке представителями самых различных научных отраслей. В отечественной гуманитарной сфере этой теме, к сожалению, не уделяется должного внимания, что выглядит достаточно странно, если иметь в виду повсеместность использования термина «рынок». Рынок демонизирован и воспринимается как неизбежное, но все-таки зло, необходимое лишь для обеспечения эффективности производства. В этой связи приобретают значительную ценность любые попытки обратиться к этой проблеме.

Цель данной статьи – представить такие попытки, имевшие место в 90-е годы XX века, когда интерес к рынку вообще достиг своего пика в связи с медальной реформаторской риторикой захлестнувшей постсоветское общество.

В 1991 году была опубликована книга академика Н.Н.Моисеева «Идеи естествознания и общественные науки»[1], в которой автор предложил «рыночную интерпретацию» развития живого вещества и общества: «По существу, весь процесс развития живого мира можно представить себе, как процесс функционирования некоего "Рынка" - механизма, название которого мы условимся писать с большой буквы. Все живое участвует в этом Рынке, изобретает новые формы организации, новые способы действий, а механизм Рынка по определенным правилам отбирает те формы организации живого вещества, которые наиболее соответствуют "гармонии сегодняшнего дня". Рынок, в обычном смысле, т.е. инструмент распределения это лишь очень частный и специальный случай того Рынка, который является естественным и единственным средством сопоставления "качества" различных форм организации живого вещества и их отбраковки. Он является основным фактором, определяющим развитие живого мира. Таким образом, рынок вообще не является специальным изобретением человека. Он – всего лишь выражение общих принципов самоорганизации материального мира, которое Человек не мог не использовать в развитии общества. И то на определенных этапах его истории» [1, с.38].

Рынок, где действует закон стоимости, открытый Рикардо, по мнению академика Н.Н.Моисеева, и есть тот самый механизм «выбраковки некачественных» форм организации живого и общественного мира: «... весь процесс самоорганизации материи, мы можем представить себе как функционирование грандиозного рыночного механизма с бесконечным количеством оттенков и правил отбраковки виртуальных организационных структур и путей дальнейшего развития» [1, с.39]. Конечно, по мнению автора, «Рынок отбирает вовсе не всегда самых лучших и наиболее приспособленных. Процесс перестойки (бифуркации) происходит не мгновенно, как в механических системах, но в выборе новых путей развития огромную роль играет стохастика. Этот факт хорошо знают биологи, и он, тем более, имеет место и в процессах общественной природы. На определенном этапе развития живого вещества в деятельность этого грандиозного механизма самоорганизации начинает вмешиваться разум человека. Способен ли он изменить этот ме-

ханизм Рынка? Нет - механизм Рынка сохраняет и дальше свое место в истории и биосферы, ибо никакого другого механизма развития, например, типа планируемого развития, Природой не создано» [1, с.39]. Роль человеческого разума Н.Н.Моисеев видит в предвидении будущего развития, поскольку использование в «рынке Рикардо» информации о прошлом свидетельствует лишь о слепоте Рынка [1, с.39]. Итак, долой прошлое! Панацея от всех болезней общества, обращенная в будущее, на основе дара разумного предвидения – Рынок с большой буквы, обеспечивающий гармонию общественного развития со всем материальным миром, живущим по правилам отбраковки ненужного и неэффективного.

На рубеже 90-х годов XX века многим казалось, что стоит «вернуться» к, так называемой, рыночной экономике, и процветание обеспечено, что найден механизм, способ, который можно просто применить, даже не отказываясь от эволюционизма марксистско-ленинского толка. Главное – безграничные возможности свободного отбора и выбраковки. Возникает лишь вопрос – выбраковки чего или кого? Рыночно-реформаторское помешательство горбачевско-ельцинского времени еще ждет своего исследователя. Видимо, достойно изучения явление, увлекшее в свой лукавый водоворот даже выдающихся мыслителей своего времени.

Академик Н.Н.Моисеев пишет «...два разных человека, оказавшиеся в равных условиях, по разному оценивая сложившуюся обстановку, действуют, смотря по обстоятельствам - весьма по-разному, т.е. вовсе не только по обстоятельствам! Воле не всегда, следуя только собственным интересам, которые они, к тому же и понимают по-разному. Вот из этого разнообразия решений, если угодно, из их иррациональности и складывается человеческая история. И тот вариант Рынка, которая им управляет. Именно изначальный Рынок, отбирающий решения наилучшим образом отвечающие ситуации и разворачивает процесс истории в ту или иную сторону. Навязывать этому потоку определенную регламентацию дело безнадежное и вредное... И это представление никогда не совпадает с плановыми предписаниями. И никакая доктрина не может быть полностью реализована. И если тот или иной жесткий и властный аппарат принуждения, та или иная тоталитарная система сможет на некоторое время подчинить себе эту стихию человеческих устремлений, то тем тяжелее и безнадежнее будет возвращение общества на путь естественного развития [1, с.42–43]. Нельзя не согласиться с этим. Однако человеческие решения – лишь следствие его желаний и потребностей, а рынок никуда не исчезает и в условиях «тоталитарной» системы, и при наличии жестокого аппарата принуждения. Общество всегда развивается естественно – и аппарат нужен обществу, и система, и репрессии и регламентация. Все это и является суммарным результатом «иррациональных решений» и рациональных эмоций народов и обществ, которые, странным образом, никогда ни в чем не виноваты.

В течение довольно короткого периода трактовка рынка Н.Н.Моисеевым претерпела некоторую эволюцию. В одном из его последних трудов «Судьба цивилизации. Путь разума», вышедшем в 2000г.[1], академик Н.Н.Моисеев пишет: «Весь грандиозный процесс самоорганизации общества порождается активностью множества отдельных людей, их стремлениями и желаниями. Их "свободой воли". У каждого человека множество побудительных причин для тех или иных действий. Мы видели, что в хаосе их активности можно рассмотреть отдельные потоки. Значит, этот хаос непрерывно структурируется, и возникает естественный вопрос о тех механизмах, которые порождают эту структуризацию. И в понимании этих механизмов может помочь еще одна интерпретация, которую я условно называю РЫНОЧНОЙ. По существу, весь процесс развития не только общества, но и всего живого мира можно представить себе как процесс функционирования некоего РЫНКА - механизма, название которого я буду писать большими буквами, чтобы не путать с обывательским представлением о рынке. В нем участвует все живое - оно непрерывно изобретает новые формы организации, новые возможности объединения (кооперации или кооперативного взаимодействия), новые способы действия, создает и реализует обратные связи, т.е. корректирует правила своей жизнедеятельности при изменении внешних условий. И такие инициативы многочисленны и разнообразны, а над всем этим многообразием царят механизмы отбора. Они по определенным правилам (которые тоже меняются со временем) отбирают те формы организации живого вещества, которые в наибольшей степени соответствуют гармонии сегодняшнего дня. (Подчеркну: именно сегодняшнего!) Тому самому поддерживаемому "устойчивому неравновесию", или sustainability, той или иной системы живого мира ... И все это грандиозное сочетание процессов создания "вариантов выбора" и самих механизмов выбора, я и называю РЫНКОМ! ...В процессе конкурентного взаимодействия (и взаимопомощи, имеющей, по существу, тот же смысл) часть элементов системы неизбежно гибнет. Они замещаются новыми, более соответствующими современным условиям. Эти элементы все время рождаются (возникают). Таким образом, РЫНОК выступает в качестве сложнейшим образом иерархически организованной системы отбраковки старых структур и замещения их новыми, непрерывно рождающимися структурами. Теперь я рискну сказать, что Природа не изобрела никакого другого механизма самоорганизации, кроме этого механизма – РЫНКА» [2, с.128–132].

Уже не решения множества отдельных людей, но их стремления и желания, но по-прежнему механизм отбраковки. Не случайно академик Н.Н.Моисеев сам называл такую интерпретацию физикалистской. Однако ни в научной, ни в научно-популярной литературе почти не существует других примеров такого нетрадиционного, «необывательского» видения рынка, которое хотя и малоэффективно с точки зрения историологии, но вызывает восхищение самим своим существованием.

Единственным, на наш взгляд, исключением являются работы С.Д.Хайтуна [3;4], и С.Г.Кордонского[5]. Взгляды С.Д.Хайтуна, казалось бы, во многом близки пониманию рынка Н.Н.Моисеевым: «Борьба за существование в мире животных и растений непрерывно переходит в борьбу за существование в социальном мире. Здесь она принимает специфические формы, основной

из которых является *рыночная конкуренция, или рынок*. Эволюционные функции социальной конкуренции во многом аналогичны функциям биологической» [3, с.106]. Однако далее автор замечает, что «очевидная направленность (неслучайность) социальных новаций лишает основы теорию естественного отбора применительно к социуму. Другими словами, невозможно, на наш взгляд, утверждать, что рыночная конкуренция является *формообразующим* фактором социальной прогрессивной эволюции, подобно тому, как (согласно воззрениям дарвинистов) конкуренция в мире животных и растений (в совокупности с двумя другими компонентами естественного отбора) является формообразующим фактором органической прогрессивной эволюции. Тем не менее желающие утверждать это странным образом находятся. Более того, точка зрения, согласно которой "социальный прогресс обеспечивается рыночной экономикой", достаточно распространена, если не сказать – общепринята» [3, с.106].

Применяя в объяснении социальной эволюции свое видение роли энтропии в процессе эволюции материи, С.Д.Хайтун утверждает, что «...двигателем социального прогресса является отнюдь *не конкуренция*. Социальная эволюция, как и эволюция материи на предыдущих стадиях ее развития, движется *прогрессивными самосборками* — представленческими и поведенческими, — которые возникают как бы сами собой под давлением *закона возрастания энтропии*, или, более точно — под давлением взаимодействий, принимающих на социальном уровне специфические социальные формы» [3, с.106]. Одной из функций рыночной конкуренции автор называет «...обеспечение перманентного стрессового давления на членов социума активацией прогрессивных самосборок» [3, с.107]. Нельзя не согласиться с автором, что «...хорошо это или плохо, но рынок непобедим, как непобедим прогресс» [3, с.108], однако не выходя за рамки дихотомии рынок-распределительная система, и противопоставляя одно другому, невозможно создать концепцию социальной эволюции, выходящую за рамки популярных проблем отечественной истории рубежа XX и XXI вв. С.Д.Хайтун отрицает физикалистский характер своей концепции, говоря о том, что термины «взаимодействие» или «энтропия» универсальны [4, с.165], однако и здесь не будет лишним заметить, что для историка многие, даже самые замечательные, идеи, пришедшие из иной профессиональной среды, не выглядят, мягко говоря, бесспорно, несмотря на готовность, и даже стремление использовать инструментарий других наук. Огромное значение, в данном случае, имеют сами попытки предложить концепции, которые носят междисциплинарный характер. Не случайно одно из важнейших мест в этих концепциях занимает категория рынка. Жаль только, что человек, с его реальной жизнью, переживаниями, желаниями и болью рискует стать предметом выбраковки, отработанным материалом более прогрессивных самосборок в результате возрастания энтропии...

Книга С. Г. Кордонского посвящена совершенно иной проблеме. В качестве исходного суждения заметим, что беспыляющий вывод о нерыночности советского общества, который, к сожалению, стал общепринятым, является не более чем политической спекуляцией, мистификацией, авторы которой преследовали и преследуют вполне понятные цели — сосредоточить внимание общества на новом светлом будущем, создав себе благоприятные условия для институционального захвата государственной собственности.

С. Г. Кордонский не сомневается в рыночности советского общества и предлагает свое видение этого рынка, называя его «административным». По его мнению «существуют две считающихся научными точки зрения на то состояние СССР и России, которое было разрушено в ходе перестройки и монетарной революции. Согласно первой точке зрения - почти общепринятой в среде советологов и выраженной У. Черчиллем в афоризме "В России все запрещено, а то, что разрешено, обязательно", в СССР была тоталитарная система с плановой экономикой. Однако это точка зрения не выдерживает скольнибудь серьезной экономической и политической критики, поскольку не представима в понятиях соответствующих областей знания. Любой человек, выросший при социализме, понимает, что он жил вовсе не при тоталитарном режиме, а в стране, где можно было практически все, но при определенных условиях. Вторая точка зрения, претендующая на научность, представлена теорией административно-командной системы Г. Х. Попова, которая не более чем распространение мифологизированных представлений об идеальной бюрократии на советскую реальность. Административные методы, а тем более приказы, как известно, были неэффективны при управлении советской реальностью...» [5].

«Административный» рынок - утверждает автор – это наиболее удобное название для существовавшей и существующей реальности в СССР и на постсоветском пространстве, которая является «...жестко, но многомерно иерархизированной синкретичной системой (где экономическая и политическая компоненты даже аналитически не могли быть разделены), в которой социальные статусы и потребительские блага конвертируются друг в друга по определенным отчасти неписанным правилам, меняющимся во времени» [5].

С.Г.Кордонский говорит о неких психологических барьерах, не позволяющих вербализовать интуитивно понимаемую рыночность советского и постсоветского времени и объясняющих вытеснение из памяти недавнего прошлого: «Общим для граждан бывшего СССР, в том числе и исследователей-обществоведов, стало забвение своей новейшей истории. Из памяти... вытеснено ближайшее прошлое. Оно замещено ложной памятью о том, чего с этими людьми не было и не могло быть. Граждане... размышляют о том, что было до социалистической революции, в 20, 30 или 60 годы так, как будто это было вчера. Для понимания происходящего они обращаются к опыту Польши, Боливии, Чили, Англии, США, Китая. И совершенно не задумываются над тем, что действительно происходило в СССР в 70 и 80 годы и что собственно определяет происходящее с ними... сегодня - о брежневском административном рынке и специфичных для него отношениях, когда очень многое нельзя было купить ни за какие деньги, но только получить "по очереди", достать "по блату" или "за бутылку". Эта ретроградная амнезия... связана с тем, что основным видом деятельности на советском административном рынке было воровство в весьма мно-

гообразных и часто экзотичных формах, так или иначе культивируемое государством. Причастность к воровству вытесняется из поля осознания, мотивы воровства социализируются, точно также как происходит с сексуальными отношениями в предмете классического психоанализа. Без адекватной диагностики основных комплексов, как известно, лечение невозможно. А диагностика состоит прежде всего в осознании исходных конфликтов и назывании скрытых от осознания сущностей, мотивов и действий своими именами. Общеизвестно, что социалистическое государство определило себя в самом начале своей истории как институт экспроприации. Оно последовательно экспроприировало имущество своих невольных граждан, потом отношения между ними. В конечном счете экспроприации подверглась способность его граждан осознавать свое положение и действия» [5].

Логика экспроприации периода перестройки и постперестроечного времени, по мнению автора, заключается в сочетании «практики экспроприации (просто потому, что иначе это государство существовать не могло) и идеологии, отрицающей эту практику и осуждающей ее с позиций "общечеловеческих ценностей"... Бесславный конец перестройки во многом связан с отсутствием у ее руководителей понимания конструкции «перестраиваемой» социально-экономической системы, в стремлении бороться со ставшими естественными феноменами и отношениями, а не попытаться использовать конструктивные особенности системы для достижения своих высоких целей. Политики, пришедшие к власти в России и других республиках-государствах в конце 80 и начале 90 годов, действовали проще и - для системы - логичнее. Они "увели" из СССР его основу - республики, и тем самым воспроизвели логику экспроприации на таком уровне, который не снился их марксистско-ленинским учителям. Эта логика экспроприации и административной торговли экспроприированным будет, очевидно, воспроизводиться до тех пор, пока сохраняется административный рынок» [5].

С.Г.Кордонский представил свое видение специфического социального пространства нашей большой бывшей страны и основные принципы «организации административного торгога». С его выводами трудно не согласиться, тем более, что они вполне созвучны концепции мегарынка [6]. В качестве особого вида взаимоотношений в условиях административного рынка автор указывает взаимобменные отношения, «...при которых чиновники одного уровня обменивались административными услугами (правами на долю) по их потребительской стоимости. Чиновнику можно было "дать в лапу" за нужное решение, а можно было надавить на него сверху и получить тот же самый результат. Но в любых ситуациях был ясен статус человека, принимающего решение. После крушения высшего уровня административного рынка - органов управления СССР исчез генератор определенности статусов, то есть система, которая определяла старшинство, ранг административной валюты и, соответственно, право на долю...»[5]. Кто-то получил... больше, кто-то меньше, но все граждане нуждаются в легализации своей пока еще виртуальной собственности... Реальная экономическая динамика началась когда с виртуальной собственностью люди начали обращаться как с просто собственностью. Экономическое содержание первого этапа модернизации составляла легализация права владения и торговли имуществом и ресурсами, тем или иным образом "уведенного" из социалистического "общака". Политическое содержание того, что происходило и происходит в России, можно рассматривать как реакцию на легализацию прав собственности. Каждый человек в России считает, что то, чем он распоряжается, получено им честно, по праву, заработано, в то время как все остальные противозаконно распоряжаются частью бывшего "общака" СССР. Граждане стремятся получить в легальное владение то, что им, по их мнению, принадлежит, но протестуют против аналогичных действий и устремлений всех остальных. Обвинения в коррупции являются основным аргументом в политических дискуссиях» [5].

Таким образом, исходя из имманентности мегарынка социуму вообще, можно утверждать, что процессы происходящие на постсоветском пространстве есть ни что иное как реструктуризация и либерализация так называемого социалистического рынка и такое восприятие действительности ставит все на свои места.

Работы Н.Н.Моисеева, С.Д.Хайтуна и С.Г.Кордонского, пожалуй, исчерпывают список литературы, где теоретическое видение рынка отличается от традиционно принятого. Фундаментальная же основа рынка и, тем более, мегарынка – человеческие интересы, желания и потребности, в контексте социально-экономической истории, в историографии, как отечественной, так и зарубежной, к сожалению практически не представлены.

Выводы:

Таким образом, в 90-е годы XX века имели место попытки нетрадиционной интерпретации рынка. Однако, не всегда принималось в расчет, с одной стороны, что рынок существует исключительно в сфере человеческого взаимодействия, с другой – что отдельные сферы в этом взаимодействии могут быть выделены лишь условно. Рынок ни в коем случае не является неким механизмом, алгоритмом общественного счастья или универсальным терапевтическим средством. Рынок – есть некое, отнюдь не самодостаточное пространство, возникающее вокруг процессов обмена, вызванных спросом и предложением. Распространение действия этой категории на всю органическую и, тем более неорганическую среду является, на наш взгляд, ошибочным и чрезмерным упрощением, поскольку не одна лишь возможность выбора свидетельствует о наличии рынка, а состояние свершившегося обмена, наличие спроса и предложения, носителем которых выступает человек с его объективными потребностями и субъективными капризами. Тем не менее, такие попытки имели место в физикалистских теориях, призванных объяснить миропорядок и его эволюцию.

Источники и литература

1. Моисеев Н.Н. Идеи естествознания и общественные науки // АН СССР, Вычислительный центр АН СССР. – Москва, 1991. – 256 с.
2. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Яз. рус. культуры 2000. – 228 с.
3. Хайтун С.Д. Социальная эволюция, энтропия и рынок // Общественные науки и современность. – М.: Наука, 2000. – №6. – С. 94 – 109.
4. Хайтун С.Д. Фундаментальная сущность эволюции // Вопросы философии. – М.: Институт философии РАН, 2001. – №2. – С. 152 – 166.
5. Кордонский С.Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. – М.: ОГИ, 2000. – 239 с.: http://www.libertarium.ru/libertarium/l_knig_opr.-17.06.04.
6. Марциновский П.Н. Мегарынок. Категория рынка в историческом исследовании. – Симферополь: Оригинал-М, 2005. – 192 с.

Попов А.Д.**ИЗ ИСТОРИИ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ТУРИЗМА В КРЫМУ ДО НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Актуальность и степень научной разработки темы. Во второй половине 1920-х гг. в большинстве регионов Советского Союза (в том числе и на территории Крымского полуострова) создается сеть детских экскурсионно-туристических станций, работа которых координировалась Центральной детской экскурсионно-туристической станцией (ЦДЭТС), находившейся в г. Москве. Однако вопрос об организационных аспектах развития детско-юношеского туризма в Крыму в довоенный период, в связи с деятельностью подобных станций, до сих пор практически не был освещен в научной литературе. Имеющиеся статьи по истории Крымской областной детской экскурсионно-туристической станции (КрымДЭТС) [1; 2] содержат лишь случайные упоминания о её деятельности до начала Великой Отечественной войны.

Целью данной статьи является реконструкция основных принципов организации детско-юношеского туризма на территории Крымской АССР в последнее предвоенное десятилетие. Для реализации поставленной цели необходимо выполнение следующих **исследовательских задач**: проанализировать нормативно-правовую базу развития детско-юношеского туризма в СССР и Крымской АССР до начала Великой Отечественной войны; охарактеризовать работу ЦДЭТС и её туристских маршрутов по Крыму; проследить работу КрымДЭТС по развитию туристско-экскурсионного дела среди крымских учащихся, а также по обслуживанию ученических туристских групп из других регионов страны на протяжении рассматриваемого периода.

Известно, что ЦДЭТС была создана в 1930 г. при Центральном бюро детских коммунистических организаций ЦК ВЛКСМ и первоначально координировала лишь работу пионерских организаций страны в области туризма и экскурсий. Однако в январе 1934 г. Наркомпросом РСФСР было утверждено Положение о ЦДЭТС, значительно расширившее сферу её деятельности. В этом документе подчеркивалось, что она должна стать единым организационным и инструктивно-методическим центром экскурсионно-туристической работы среди детей школьного возраста. Основные направления работы ЦДЭТС определялись следующим образом:

1. Разработка содержания и методики экскурсий и походов для школ, пионерских отрядов и внешкольных учреждений на местах.
2. Изучение, обобщение и распространение опыта туристско-экскурсионной практики учащихся.
3. Развертывание сети местных внешкольных туристско-экскурсионных учреждений (станций, баз, лагерей) для детей и юношества.
4. Организация дальних путешествий и походов школьников по плановым маршрутам, проведение туристских экспедиций, слётов, конференций [3, с. 6-7].

Таким образом, ЦДЭТС сосредоточила в своих руках координацию всей туристско-экскурсионной работы среди советских пионеров и школьников. На протяжении 1932-1934 гг. ей были организованы первые Всесоюзные детские экспедиции по Казахстану, Северному Кавказу, Волге, Алтаю. Собранные в экспедициях материалы (записи наблюдений, фотографии, археологические находки, гербарии) их участники передавали ведущим научно-исследовательским центрам страны [4, с. 231]. В 1933 г. для «лучших ударников учебы» ЦДЭТС был предложен показательный туристский маршрут: Днепрогэс – Симферополь – Алушта – Севастополь, продолжительность пребывания на котором составляла 20 дней [5, с. 12-13].

В дальнейшем сеть туристских маршрутов ЦДЭТС постепенно развивалась и охватывала новые регионы страны. Летом 1934 г. она организовывала путешествия для школьников Советского Союза по следующим дальним маршрутам:

1. Северный (Ленинград – Беломоро-Балтийский канал – Хибиногорск).
2. Волжский (Ярославль – Горький).
3. Южно-Крымский (Днепрогэс – Симферополь – Алушта – Старый Крым – Судак).
4. Восточно-Крымский (Днепрогэс – Феодосия – Старый Крым – Судак) [6, с. 29].

Продолжительность пребывания на дальних маршрутах ЦДЭТС в 1934 г. составляла от 16 до 20 дней. Все они были рассчитаны на учащихся в возрасте от 14 до 17 лет. Путевки на эти маршруты, как правило, бесплатно распространялись среди наиболее отличившихся школьников и оплачивались профсоюзными организациями предприятий, на которых трудились их родители [7, с. 9]. К лету 1941 г. ЦДЭТС предлагала учащимся 6-10 классов путешествия по 7 маршрутам, охватывавшим различные регионы страны. Один из них предполагал знакомство с достопримечательностями Бахчисарая, Симферополя, Гурзуфа и Ялты, а